

1854.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисѣ: въ Канцеляріи Нахѣтвика Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петерб. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

№ 2.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.

Полугодовое 4 - 50 к.

Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер., со всѣхъ областей безъ всякаго исключенія.

6 ЯНВАРЯ

СРЕДА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 13-го Декабря. ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Командующему Дѣйствующимъ Корпусомъ на Турецкой границѣ, Нашему Генералъ-Лейтенанту Князю Бибикову.

Въ ознаменованіе особенной Нашей къ вамъ Монаршей признательности, за блистательный подвигъ мужества и отличную воинскую распорядительность, оказанныя вами въ сраженіи 19-го Ноября сего 1853 года, на правомъ берегу Арпачая, гдѣ вы, съ храбрыми войсками Нашими, находившимися подъ начальствомъ вашимъ, разбивъ втрое сильнѣйшій противъ нихъ 36-ти тысячный корпусъ Турецкой арміи, бывшій подъ предводительствомъ Сераскера Абди-Паши взяли при этомъ съ боя 24 орудія, нѣсколько знаменъ и весь лагерь, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія втораго степени. Препровождая у сего орденскіе знаки, пребываемъ Императорскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

На великомъ Соборномъ Его Императорскаго Величества Синодѣ написано:

И Н К О Л А Й.

С.-Петербургъ, Декабря 6-го дня 1853 года.

Т И Ф Л И С Ъ, 6-го Января.

Декабря 27-го дня 1853 года, Его Свѣтлость Господинъ Главнокомандующій изволилъ отдать слѣдующій приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу:

Завѣдывающій лѣвѣмъ флангомъ Кавказской линіи Генералъ-Маіоръ баронъ Врангель, для предупрежденія камбрейшій Шамилъ влѣвъ поселить Чеченцевъ въ Ханкальскомъ ущельи, приказавъ нужнымъ вырубить лѣсъ по склону этого ущелья со стороны р. Аргуна, 18-го сего декабря послалъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Бакланова, колонну: изъ 1-го баталіона егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева полка съ 9-ю сотнями казаковъ при двухъ конныхъ орудіяхъ, а на другой день, по извѣстію о сборѣ неприятеля, усиливъ эту колонну 6-ю ротами егерей полка моего имени, тремя сотнями казаковъ и 4-ми орудіями легкой № 5-й батареи 20-й Артиллерійской бригады, привалъ самъ надъ войсками начальство.

Прибывъ на мѣсто работъ, войска не встрѣтили неприятеля, который какъ извѣстно было отъ лазутчиковъ, собрался въ значительномъ числѣ на р. Джакъ, подъ предводительствомъ Чеченскаго наиба Талгика. Генералъ-Маіоръ баронъ Врангель, соображая, что партія не можетъ оставаться въ бездѣйствіи долгое время и если не появлялась противу него, то обратилась на какой нибудь пунктъ нашей линіи, прекративъ работы, намѣревался идти въ Грозную, откуда можно скорѣе подослать къ угрожаемому мѣсту; но едва войска тронулись послышались пушечные выстрѣлы съ башни Староюртовской и укр. Тепли-Кичу. По невозможности опредѣлить гдѣ сдѣлано нападеніе, баронъ Врангель направилъ Генералъ-Маіора Бакланова съ 6-ю сотнями казаковъ на укр. Тепли-Кичу; нѣсколько лѣвъ Подполковника Товбича съ 4-ми сотнями, а самъ съ шестью ротами егерей, при двухъ орудіяхъ, пошелъ на

переправу на р. Сунжу къ бывшему Чуртугайскому аулу; прочую же пѣхоту и артиллерію отравилъ въ кр. Грозную.

Неприятель, какъ послѣ оказалось, сдѣлалъ нападеніе на двѣ роты Кавказскаго Лисейнаго № 41-го баталіона, при одномъ орудіи, производившій рубку лѣса вѣже Чуртугаеской переправы. Талгикъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что изъ 1500 конныхъ и 600 пѣшихъ, приведенныхъ имъ, только половину переправилъ черезъ Сунжу. Приблизясь къ цѣпи, Талгикъ раздѣлялъ своихъ конныхъ на двѣ части, изъ коихъ одна устремилась на орудіе, изъ котораго нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ опрокинули ее, а другая ударила въ шашки на цѣпь, прорвала ее и успѣла захватить нѣсколько штукъ быковъ и двухъ Староюртовцевъ, но скорое появленіе Маіора фонъ Кульмана, спѣшившаго на помощь изъ Тепли-Кичу, заставило Чеченцевъ отступить.

Послѣ чего, переправясь черезъ Сунжу, Чеченцы медленно потянулись къ Аргуну; но едва вышли на поляну, близъ бывшаго аула Гардаш-Юртъ, на нихъ налетѣлъ Генералъ-Маіоръ Баклановъ съ своими казаками, врѣзался въ самую средину партіи, въ ужасѣ разбѣжавшейся въ разныя стороны; казаки Генерала Бакланова, къ которымъ присоединились и четыре сотни Подполковника Товбича, неотступно преслѣдовали Чеченцевъ до самаго Аргуна, гдѣ осталшая партія до того разбѣжалась, что не было возможности продолжать преслѣдованіе.

Давно уже Чеченцы не испытывали подобнаго пораженія; болѣе 150 труповъ оставили на мѣстѣ встрѣчи съ

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Редуть-кале (*).

Главный Кавказскій хребетъ, опускаясь къ Черному морю все меньшими и меньшими возвышенностями, разстилается наконецъ на нѣсколько десятковъ верствъ плоскимъ и песчанымъ берегомъ, окаймленнымъ вездѣ рѣдкимъ, болотистымъ лѣсомъ и кустарниками мелкой пальмы. Видъ этого пустыннаго берега печаленъ и унылъ; усѣянный гравіемъ и осколками деревъ, выбрасываемыхъ моремъ, онъ не представляетъ ничего разнообразнаго, на чемъ могъ бы отдохнуть глазъ путешественника, по около Батума опять возвышается и превращается въ горы.

На этомъ пространствѣ нѣсколько горныхъ рѣчекъ, которыя лѣтомъ при таеніи снѣговъ образуютъ бурные потоки, впадаютъ въ море. При одной изъ нихъ, небольшой но глубокой рѣкѣ Хопи, расположенъ городокъ или лучше сказать населеніе, оживленное значительной торговлей и

(*). Сотрудникъ газеты нашей г. Дункель-Веллингъ занялся переводомъ сочиненія Французскаго путешественника Дюбуа де Монперѣ, которое по достоинству своему приводится часто отрывками и служитъ справочною книгою для посѣщающихъ Кавказъ и Закавказье.

Но продолжительный періодъ, протекшій съ 1833 года, т. е. современіи посѣщенія авторомъ нашего края, обязалъ переводчика дополнить это превосходное сочиненіе примѣчаніями, которыя бы объясняли перемѣны, произшедшія съ упомянутого времени.

Съ согласія г. Дункель-Веллинга мы помѣщаемъ отрывокъ изъ его примѣчаній, для того, чтобы познакомить читателей нашихъ съ этимъ обширнымъ и полезнымъ трудомъ, котораго первая часть представлена уже на разсмотрѣніе Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Ред.

составляющее единственный пунктъ соприкосновенія Закавказья съ Европой.

Окруженный болотами недающими, ему мѣста расширяться Редуть-Кале состоитъ изъ ряда деревянныхъ домиковъ, тѣсно стоявшихъ надъ рѣкою; вообще съ перваго взгляда онъ напоминаетъ населеніе береговъ Миссури и Ореоко. Около Редуть-Кале уже проявляется роскошная растительность, поддерживаемая постоянной влажностію; зелень самая яркая придаетъ много живописности этому уголку, здѣсь цвѣтеть гранатъ, вѣтса винограда, фиговое дерево раскидываетъ свои роскошные листья и лавръ рѣзко отдѣляется своею темною зеленью, свѣтлая рѣка всегда покрытая лодками и другими мелкими судами, перевозащими богатые грузы товаровъ съ кораблей, стоящихъ на рейдѣ, постоянное движеніе показывающее присутствіе торговли, дѣлаютъ его мѣстомъ оживленнымъ и отнимаютъ у него видъ мертвенности и лѣни, свойственный даже обширнымъ городамъ Азіатскаго материка.

Правда зимою видъ Редуть-Кале измѣняется, навигація прекращается, дожди превращаютъ почву въ глубокую грязь, непроходимую ни для пѣшехода ни для лошади, небо постоянно покрыто тучами и солнце рѣдко проглядываетъ сквозь нихъ; но есть ли страна вѣчной весны?

Наводненія Хопи и Риона составляютъ также не совсѣмъ пріятныя эпохи въ жизни Редуть-Кальцевъ. Мутныя воды обихъ рѣкъ затопляютъ единственную улицу и сообщеніе между домами невозможно иначе, какъ на каюкахъ, т. е. лодкахъ, форма и устройство которыхъ пройдя твердо и безъ преобразованій многіе вѣка, сохранили видъ тѣхъ судовъ, на которыхъ приплыли Аргонавты въ Колхиду. Плаваніе по рѣкѣ трудно, а иногда и невозможно особенно при слияніи Хопи съ другою горною рѣкою Цивою, образующее довольно большой бассейнъ, глубиною по измѣреніямъ кап-лейт. Аркаса въ 77 Англійскихъ футовъ. Но за то предъ глазами нашими широко раскидывается море, дивное и разнообразное во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, сильно впечатляющихъ душу мыслителя и поэта.

Основаніе Редуть-кале относится ко временамъ недавнимъ. Правительница Мингрелин Дедопала Нина, прабабка нынѣшняго Владѣтеля, тѣснямая буйными соседями: Абхазцами, Имеретинами, Гурійцами и даже Турками, просила помощи у Русскаго Правительства. Для усмиренія хищниковъ былъ присланъ Бѣлевкій пѣхотный полкъ и расположился на берегу Хопи. Къ Турецкому названію Кале или Куле, т. е. городъ, прибавлено Редуть (окопъ, крѣпосца) что составило его настоящее имя, но туземцы и до сихъ поръ называютъ его Кулеви. По этой недавности Редуть-Кале не богатъ археологическими памятниками; только на мысу при слияніи Хопи и Цивы видны въ землѣ нѣсколько кирпичей, это остатки, такъ называемой, Джаяновой башни, построенной для отраженія набѣговъ Турокъ на Мингрелию. Народныя преданія о ней такъ темны и сбивчивы, что нѣтъ возможности вывести какія нибудь положительныя заключенія о времени ея построенія или существованія. Въ послѣдствіи населеніе Редуть-Кале часто измѣнялось почти уничтоженіемъ предположеніемъ основать городъ въ Потти, но климатъ этого послѣдняго мѣста, губительно дѣйствовавшій на поселенцевъ, возвратилъ теперешнему городу первобытное существованіе и съ того времени начинается постепенное возвышеніе значенія его какъ портоваго мѣста, важнаго въ торговомъ отношеніи.

Положеніе Редуть-Кале весьма выгодно для торгующихъ, дорога въ Тифлисъ хотя и несовсѣмъ удобная въ зимнее время безопасна для транспортовъ, которые въ случаѣ необходимости и труднаго проѣзда сухимъ путемъ могутъ отправляться до Усть-Цхени-Цхали, водою.

Сухопутная дорога удобна для аровъ и по ней товары скоро и безъ порчи доставляютъ къ мѣсту назначенія. Увеличеніе транзита тоже ясно доказываетъ, что путь этотъ удобнѣе пути черезъ Эрзерумъ и мы смѣло надѣемся, что предпріятіе это достигнетъ желаемыхъ результатовъ. Коснувшись столь важнаго предмета (какъ транзитъ) нельзя не сказать о немъ нѣсколько подробнѣе. Мысль объ учрежденіи транзита товаровъ въ Персію конечно могла родиться

Баклановымъ и при бѣгствѣ своемъ; вся же потеря ихъ еще не известна, но по словамъ лазутчиковъ не менѣе 300 человекъ; наша же потеря въ этомъ дѣлѣ незначительна: убито 1 казакъ, ранены: Хорунжий Баклановъ и 10 казаковъ.

За это отважное, молодецкое дѣло изъясляю мою душевную признательность Генералъ-Маіорамъ: барону Врангелю и Бакланову и особую благодарность Подполковникамъ: Товбичу, Фролову и благодарю Маіора Бѣлика, Войскового Старшину Федюшкина, Есауловъ: Тришатнаго, Алексѣева, Дорошева, Штабъ-Капитановъ: Арамовича, Арду-Чермоева, Поручика Мошкова, Сотника Ежова, Подпоручика Кехло, Хорунжихъ: Бакланова и Офрейна и Чеченца Юнкера Хассу Черчени и всѣхъ Штабъ-Офицеровъ и казаковъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ.

Начальникъ Гурійскаго отряда доноситъ, что въ ночь съ 19-го на 20-е декабря, нѣсколько сотъ Турокъ напали на нашу позицію въ Какутахъ, но были разбиты и прогнаны съ большимъ урономъ. За тѣмъ 21 числа, передъ разсвѣтомъ, до 1 т. человекъ Турокъ сдѣлали нападеніе на милицію, занимающую крѣпкую позицію у Чехатскаго моста, но и здѣсь блистательно отбиты нашею храброю Гурійскою и Имеретинскою милиціею и прогнаны обратно, потерявъ болѣе 80-ти человекъ убитыми и ранеными. У насъ же ранено нѣсколько человекъ. Наконецъ 22 числа утромъ, Турки сдѣлали новую попытку, выйдя на позицію у того же Чехатскаго моста, и опять храброю милиціею отбиты съ урономъ. У насъ раненъ при этомъ 1 милиціонеръ.

Объявляя по вѣренному мнѣ Корпусу о сихъ молодыхъ дѣлахъ, удостовѣряющихъ стойкость и храбрость нашихъ милицій, — я изъясляю душевную признательность Начальнику отряда, Генералъ-Маіору Князю Гагарину и по его засвидѣтельствованію благодарю: Начальника Милиціи Гвардіи Штабъ-Ротмистра Князя Гуріея, Капитановъ: Князя Симона Цулукидзе и Князя Григорія Церетели, Поручика Князя Александра Тавгеридзе, Подпоручика Князя Дата Гуріея и Прапорщика князя Антона Эристовъ.

Для меня теперь весьма пріятный долгъ опять донести Государю Императору то, что я уже нѣсколько разъ доводилъ до Высочайшаго свѣденія, т. е. о храбрости, мужествѣ и самоотверженіи Гурійской и Имеретинской милиціи и ея начальниковъ.

Разсказъ офицера бывшаго подъ Бадкляроемъ.

(Окончаніе.)

Дѣло уже было рѣшено на нашемъ лѣвомъ флан-

гѣ, князь Мухранскій стоялъ на взятой батарее, Генералъ Баговуть рубилъ Турокъ въ догонку, когда 2 турецкіе баталіона и часть ихъ штуцеровъ, оторванные отъ общей массы, очутились противъ отдѣльной части гренадеръ, которая, потерявъ своихъ офицеровъ, остановилась на самомъ краю взятой высоты и, не видя другаго непріятели, ударили на нее. Гренадеры разстроенные самой удачей, безъ офицеровъ, едва переводя духъ отъ усталости, на минуту уступили превосходному числу и спустились съ высоты. Турки смѣло пошли за ними, осыпая ихъ батальнымъ огнемъ изъ штуцеровъ и ружей. Въ эту минуту корпусный командиръ самъ сталъ въ ряды гренадеръ; — 50 турецкихъ штуцеровъ выстрѣлили по немъ, но гренадеры видѣли уже кто стоитъ въ головѣ ихъ и ружье на-руку, пошли на непріятели. Турецкіе баталіоны оборотились. Два орудія, подскочивъ къ рѣчкѣ, ударили въ упоръ картечью по лощинкѣ, гдѣ они стѣснились. Нѣкоторые изъ нихъ ушли; большая часть ихъ осталась въ руслѣ рѣчки.

Когда вторая линія нашей пѣхоты двинулась для атаки праваго фланга непріятели, 4½ баталіона и 2 батареи, составлявшіе первую линію подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Кишинскаго, остались вытянутыми противъ его центра и части праваго крыла. Какъ только колонна князя Мухранскаго вышла впередъ, турецкіе баталіоны, сошедшіе съ высоты въ самомъ началѣ дѣла и скрытые до тѣхъ поръ за обрывомъ рѣчки, двинулись на линію Генерала Кишинскаго; но были съ перваго шага остановлены картечью 2-й и 5-й батарейныхъ батарей и, присѣвъ въ камняхъ, открыли отсюда бѣглый ружейный огонь. Находившіеся въ большомъ числѣ при турецкой пѣхотѣ штуцера выбили у насъ много людей изъ баталіоновъ и артиллерійской прислуги. Въ тоже время турецкіе уланы вылетѣли изъ-за деревни на правый флангъ нашей пѣхотной линіи и наскочили на саперъ, но также не выдержали картечи. Тогда прибылъ къ этой части линіи извѣстный своей энергіею и бое-

вой опытностію, начальникъ артиллеріи Генералъ Брюммеръ. 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка, стрѣлки, саперы и 5-я батареинная батарея находились съ Генераломъ Кишинскимъ противъ деревни, изъ-за которой всякую минуту могли выйти противъ насъ пѣхотныя колонны. И потому Генералъ Брюммеръ могъ двинуть противъ турецкихъ баталіоновъ, засѣвшихъ на рѣчкѣ, только 2-ю батареинную батарею, 2-й баталіонъ князя Варшавскаго батал. Князя Воронцова полка. Онъ командовалъ и орудія на передки, знамена впередъ, ура! — Стѣ солдаты этихъ удивительныхъ полковъ, изъ рыхъ одинъ прославился въ Чечнѣ, а въ Дагестанѣ, только и ждали призыва. Кричали вслѣдъ: ну Воронцовцы! ну Графцы! посмотримъ кто изъ васъ перецеголяетъ! — Это въ ту минуту, когда князь Мухранскій уже стоялъ на взятой имъ высотѣ. 2-я батареинная батарея, развернутымъ фронтомъ между двумя графскими полубаталіонами, двинулась бѣглымъ шагомъ на массу непріятельской пѣхоты, поднявшейся при ея приближеніи; подошла, осыпая батальнымъ огнемъ, на 50 шаговъ къ ея фронту и первымъ залпомъ заставила Турокъ отшатнуться въ оврагъ. Графцы устремились вслѣдъ за ними. Баталіонъ Князя Воронцова полка былъ встрѣченъ штыками, опрокинулъ непріятели и кололъ ихъ въ продолженіи четверти часа. Оба эти баталіона стрѣлой перенеслись черезъ оврагъ и влѣтели справа въ деревню, гдѣ было только нѣсколько непріятелискихъ застрѣльщиковъ. Турки, хотѣвшіе сдѣлать наступленіе на всей этой части линіи, были сбиты прежде чѣмъ успѣли двинуться впередъ. Но за деревней, въ то время когда ихъ кавалерія бросалась на нашихъ саперъ, 2 или 3 баталіона незамѣтно спустились въ лощину и засѣли противъ правой оконечности нашей линіи. Князь Чавчавадзе, преслѣдуя сбитую имъ пѣхоту, былъ въ такомъ разстояніи вправо, что въ эту минуту они не могли его бояться. Когда баталіоны, двинутые Генераломъ Брюммеромъ, перебѣжали оврагъ, Тур-

только тогда, когда было обращено особое вниманіе на торговлю и на облегченія необходимыя въ коммерціи. Намѣстникъ Кавказскій Князь М. С. Воронцовъ, обозрѣвая зоркимъ окомъ всѣ части администраціи вѣреннаго ему края, не оставилъ безъ вниманія торговлю, какъ средство народнаго обогащенія. Но поощряя туземныхъ купцовъ онъ пожелалъ облегчить и иноземцевъ, которые до сего времени подвергались значительнымъ убыткамъ отъ грабежа товаровъ Куртинами и далъ направленіе провоза товаровъ изъ Требезонда и Константинополя въ Персію черезъ мирныя страны Закавказья, не стѣсняя провозителей пошлинами или другими сборами. Доставляя несомнѣнную выгоду торговцамъ, транзитъ вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ пользу странѣ и доставляетъ новый источникъ народнаго богатства обращеніемъ значительнаго капитала, употребляемаго на транспортировку. Не довольствуясь первыми постановленіями о транзитѣ, хотя и опредѣлявшими порядокъ его, но не довольно полными, Князь Намѣстникъ приказалъ составить комиссію для подробнаго разсмотрѣнія и опредѣленія постоянныхъ правилъ транзита. Комиссія, составленная изъ людей знающихъ основательно предметъ и понимавшая важность оного, добросовѣстно исполнила возложенное на нее порученіе.

Отъ транзита перейдемъ къ судоходству, самому важному предмету для портоваго мѣста.

Редуть-Кальскій рейдъ, открытый всемъ вѣтрамъ неимѣетъ удобной якорной стоянки, что есть важнѣйшій недостатокъ, устраненіе котораго увеличило бы и довело до огромныхъ размѣровъ торговлю, значительную и при теперешнихъ неудобствахъ. Турецкіе баркасы или мореходныя лодки (кочермы) поднимающія до 80 пудовъ груза, одномачтовые съ латинскимъ парусомъ, весьма удобномъ при береговыхъ вѣтрахъ и число коихъ значительно, составляютъ важнѣйшую часть судоходства, они всегда входятъ въ рѣку, и потому открытый рейдъ и бури для нихъ не страшны; въ навигацію ихъ прибываетъ до 350. За ними слѣдуютъ Русскія каботажныя суда 2-хъ мачтовые бриги, шкуны и трамбаки, поднимающіе отъ 20 до 160 ластовъ; такихъ судовъ бываетъ въ приходѣ до 60.

Далѣе иностранныя (болшею частію Греческіе, Турецкіе и Англійскіе) 2-хъ мачтовые бриги и шкуны и 3-хъ мачтовые корветы, вмѣстѣности отъ 160-ти до 400-тъ тоннѣ.

Въ Редуть-Кале заходили въ видѣ опыта и Турецкія пароходы въ 1849 г. 60-сильный Эссеръ-Нусетъ и 1850 г. 80-сильный Эрегли; оба сдѣлали по два рейса.

Перейдемъ на сушу.

Хотя на Редуть-Кальскомъ базарѣ оставляется только весьма малая часть привозимыхъ изъ-за границы и Россіи товаровъ, нужная только для мѣстнаго потребленія, однакъ какъ складочное мѣсто, онъ кншитъ постоянною дѣятельностію. Безпрерывно тянутся караваны аробъ, вьючныхъ лошадей и верблюдовъ (этотъ вьючный способъ вводится съ недавняго времени). Нерѣдко пассажиры прибывшіе изъ-за границы или Россіи черезъ Сухумъ отправляются въ Тифлисъ сухопутно или водою; число ихъ въ теченіи года весьма значительно. Базаръ есть самая шумная часть Редуть-Кале и составляетъ единственную улицу съ большими издержками вымощенную гравіемъ. Около него находятся всѣ правительственныя учрежденія, какъ-то: полицейское управленіе, помѣщающееся въ казенномъ домѣ и состоящее подъ управленіемъ Редуть-Кальскаго воинскаго начальника, который по званію своему состоитъ въ распоряженіи Начальника Черноморской береговой линіи, само же Редуть-Кале входитъ въ составъ Кутаисской губерніи. На другой сторонѣ Хопи построены казармы усиленной роты Черноморскаго линейнаго № 12 баталіона, составляющей горнизонъ города. Около казеннаго дома помѣщается ротный лазаретъ, при которомъ устроена профессоромъ Абихомъ временная обсерваторія для метеорологическихъ наблюденій, непосредственно состоящая надъ надзоромъ лекаря, завѣдывающаго лазаретомъ. Около базара въ домѣ купленномъ на счетъ города учреждено двухъ-классное училище, содержащееся также изъ городскихъ доходовъ и радушно предлагающее дѣтямъ здѣшнихъ жителей средства къ первоначальному образованію. Далѣе соляной магазинъ, Почтовая контора, помѣщеніе для Артиллерійской команды, состоящей при здѣшнемъ значительномъ складѣ снарядовъ, (предположенный впрочемъ къ переводу въ Сухумъ-Кале), казарма Азовскихъ казаковъ, крейсерирующихъ по берегу моря и наконецъ при устьѣ впаденія Хопи въ море самое важное правительственное учрежденіе въ Редуть-Кале Карантинно-таможенное правленіе съ Карантинномъ, обширностію дѣйствій коего заставляетъ подробнѣе говорить о немъ и выставить рядъ цифръ, ясно выражающихъ значительную торговлю этого мѣста.

Стоимость Европейскихъ и Азіатскихъ товаровъ очищаемыхъ ежегодно въ Редуть-Кальскомъ Правленіи простирается приблизительно до 600 т. руб. сер., за нихъ выписывается пошлина до 260 т. руб. Главныя статьи привоза: сахаръ рафинадъ, шампанское вино, портеръ, шерстяныя мануфактурныя издѣлія (преимущественно камлотъ). Отвозъ простирается на сумму 300 т. руб. и монеты до 250 руб.

Важнѣйшіе отвозные товары шелкъ сырецъ и икра. Каботажныя суда привозятъ Русскіе безошлинныя товары на сумму до 200 т. руб. сер., и отвозятъ въ Россію мѣстныхъ произведеній почти на такую же сумму. Изъ предметовъ вывоза въ Россію самое важное мѣсто занимаетъ орѣховое дерево, кромѣ него вывозится лавровый листъ, Мингрельскій табакъ, вино, медъ и воскъ. И такъ изъ этого краткаго перечня видно, что ежегодный оборотъ Редуть-Кальской торговли превышаетъ миліонъ р. с. Не зависимо отъ товаровъ, въ Редуть-Кале привозится въ теченіи года до 15 т. пудовъ провіанта и до 30 т. пудовъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Общее предубѣжденіе о гибельности Редуть-Кальскаго климата мало по малу уничтожается; правда, что увеличеніе народонаселенія, вырубка лѣса въ окрестностяхъ, дающая притокъ свѣжему воздуху, очищеніе воды фильтрами и вообще улучшенія, вводимыя опытомъ, значительно измѣнили климатъ, но и прежде всего этого морской вѣтеръ всегда освѣжалъ воздухъ, относилъ вредныя мiazмы болотъ и дѣлалъ климатъ Редуть-Кале сноснымъ. Климатическія болѣзни въ настоящее время уже не такъ гибельно дѣйствуютъ на пришельцевъ, умѣвшихъ побѣдить ихъ; особе нъ мало испытываютъ дѣйствіе его, живущіе у самаго берега моря.

Частной общественной жизни въ Редуть-Кале нѣтъ, есть жизнь и дѣятельность служебная. Существованіе протекаетъ мирно и покойно, возмущаемое изрѣдка прибытіемъ пароходовъ приносящихъ вѣсти изъ родной Россіи, или же сильнымъ штормомъ на морѣ, о которомъ разсказы продолжаютъ нѣсколько дней. Въ Редуть-Кале получается нѣсколько Русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, всегда можно найти нѣсколько хорошихъ книгъ и всегда путешественникъ какой бы то ни было націи найдетъ радушный привѣтъ. Характеръ временныхъ обитателей Редуть-Кале какъ и самаго мѣста носить на себѣ отпечатокъ дѣятельности и движенія, чуждой безпечности и лѣни. Лѣтомъ весьма порядочный загородный садъ, порученный попеченію здѣшняго старожилы прапорщика Николая Хюнаки есть лучшее мѣсто для прогулки, а какъ онъ расположенъ выше города то даетъ прохладное убѣжище отъ зноя.

По воскресеніямъ народонаселеніе цѣлаго города собирается въ двѣ церкви Греческую и Армянскую, правда не великолѣпныя, но въ которыхъ также тепло и усердно какъ и въ громадныхъ храмахъ возносятся къ престолу Всевышняго мольбы о здравіи и долгоденствіи нашего Монарха и благоденствіи Россіи.

Н. Дункель-Веллингъ.

ли вышли из своей засады и двинулись прямо на фланг нашей линии. Нечаянность атаки произвела минутное замешательство в саперном полубатальоне. Но дивизион 5-й батареей, выдвинувшись из линии, остановил их разом. Смятые, они бросились за деревню, вслѣд за товарищами. Генералъ Кишинскій перешелъ тогда оврагъ и двинулся къ высотамъ, куда бѣжалъ разбитый непріятель.

Часть съ небольшимъ длилась канонада, часть продолжалась атака, и тридцати-пятитысячная регулярная турецкая армія представляла уже однѣ нестройныя толпы, бѣгущія по направленію къ Карсу. Атакованная въ правый флангъ, она была отброшена на право и отрѣзана отъ своего лагеря, который вдругъ открылся преслѣдующей колоннѣ Генерала Баговута, версты въ полторѣ вѣво отъ поля сраженія. Вся лощина подъ горой была уставлена зелеными турецкими палатками; тамъ былъ весь запасный паркъ турецкой арміи, ея продовольствіе, шинели, башлыки и ранцы, которые Турки сбросили, чтобы легче выйти въ дѣло. Дальше за лагеремъ, небольшая деревушка была наполнена складомъ новыхъ турецкихъ мундировъ и амуниціи. Еслибъ у насъ былъ только одинъ свѣжій полкъ, чтобы преслѣдовать остатки разбитой арміи, она бы не увезла ни одного орудія и не унесла бы ни одного ружья.

Но и безъ того отъ турецкой арміи не много осталось. Кромѣ 24-хъ орудій, 18-ти знаменъ и значковъ, запаснаго парка, всего лагеря, шинелей, амуниціи и поля, заваленнаго трунами, которые она оставила въ нашихъ рукахъ, надо было еще посмотреть дорогу отъ Кадыкляра къ Суботану, какъ мы видѣли ее послѣ сраженія. Какъ за сильно раненымъ звѣремъ можно идти по кровавому слѣду, такъ мы шли къ Суботану по остаткамъ турецкой арміи, завалившимъ дорогу. Зарядные ящики, повозки, провіантъ, ружья, покинутые на пути и замерзшіе ночью раненые, сумы съ патронами, такъ покрывали дорогу, что во многихъ мѣстахъ артиллерія не могла пройти. Не только вѣлья было забирать всѣхъ вещей, брошенныхъ бѣгущей арміей, но не было даже довольно рукъ, чтобы жечь и истреблять ихъ. Въ Суботанѣ мы взорвали еще цѣлый артиллерійскій паркъ и сожгли зимнее продовольствіе арміи. Что осталось отъ турецкихъ войскъ, осталось нагимъ, голоднымъ, безъ артиллеріи и безъ пороха.

Вечеромъ нельзя было узнать нашего лагеря. Мы выступили на легкахъ; наши вещи и палатки еще на разсвѣтѣ были отосланы въ Александрополь. Теперь, въ морозную ноябрьскую ночь, вдвойнѣ было пріятно чувствовать себя побѣдителемъ подъ зеленой турецкой палаткой, покрывшись бѣлыми турецкими шинелями, окутавъ турецкими одеялами своего коня, обсыпаннаго кучей турецкаго ячменя. Навѣрное, въ эту ночь ни одному человѣку въ лагерь не пришло въ голову темной мысли, хотя на полѣ, вокругъ насъ, покоилось три тысячи непохороненныхъ мертвецовъ.

Турки не могли понять своего пораженія. Для нихъ Кадыклярская битва окружена чудесами. Передъ нашимъ переходомъ за Арпачай, пограничные турецкіе жители видѣли сіяющій крестъ, раскинувшійся въ самой серединѣ неба. Теперь въ Карсѣ рассказываютъ, что во время сраженія передъ нашимъ войскомъ шла бѣлая женщина, вся въ сіяніи и съ пальмой въ рукѣ; и куда она ни обращала свою пальму, вездѣ Турки, объятые сверхъ-естественнымъ ужасомъ, бѣжали. Азіатцы до сихъ поръ не могутъ понять чудеса русскаго штыка.

Въ числѣ прочихъ плѣнныхъ, мы взяли одного штабъ-офицера, родомъ изъ Гуріи, человѣка умнаго и характернаго. Онъ былъ схваченъ на батарее, весь исколотый штыками и лежалъ въ госпиталѣ. Навѣщая знакомыхъ раненныхъ, я зашелъ къ нему. Мы разговорились о нашемъ сраженіи. «Объясните мнѣ, спросилъ онъ: вѣдь вы видѣли сколько насъ было и видѣли, что передъ вами стояла не толпа, а регулярное, храброе войско;

скажите истину, вы были сумасшедшіе, или были пьяны, что рѣшились идти на такую громаду?—Ага, отвѣчалъ я, я удивлю васъ, но скажу вамъ истину. Мы видѣли, что ваше войско наполняло всю долину и знали, что насъ только горсть людей въ сравненіи съ вами; и совѣтъ тѣмъ у насъ не было ни одного человѣка, отъ корпуснаго командира до послѣдняго солдата, который бы не былъ увѣренъ, что черезъ два часа ваша армія будетъ бѣжать и ваши орудія останутся въ нашихъ рукахъ.

Послѣдніе дни жизни и кончина генерала отъ кавалеріи Николая Степановича Завадовскаго.

На 20-е число октября, Черноморскіе казаки, всѣхъ, существующихъ въ ихъ войскѣ, родовъ оружія, собирались на лѣвомъ берегу Кубани, при мостовомъ укрѣпленіи Ольгинскомъ. Цѣлью сбора былъ походъ, по предначертаніямъ Г. Главнокомандующаго, въ землю непокорныхъ Шапсуговъ. Главною задачею похода было проложеніе свободныхъ и открытыхъ путей чрезъ лѣса Шапсуговъ, для прямыхъ и скорыхъ сближеній отрядовъ Черноморскаго казачьяго войска съ войсками восточнаго берега Чернаго моря, и для дружнаго противодѣйствія, съ той и другой стороны, быстро возрастающему вліянію Магомета-Амина, который дерзнулъ, въ послѣднее время, объявить себя въ горахъ нашею Анапскаго пашалыка.

По важности предпріятія, походъ долженъ былъ совершиться подъ личнымъ начальствомъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи и Наказнаго Атамана Черноморскаго войска.

Для этого генералъ отъ кавалеріи Николай Степановичъ Завадовскій выѣхалъ изъ Ставрополя 18 числа октября, утромъ. Промысль Божій судилъ, чтобы путь сей былъ послѣдній въ его долготѣнной службѣ и жизни. Какъ бы въ ознаменованіе печальнаго конца этого пути, начало его было страдальческое. При самомъ отъѣздѣ генерала, хроническій недугъ, который много лѣтъ уже носилъ онъ въ груди и сердцѣ, возбудился съ такой жестокостію, что едва не принудилъ его отменить поѣздку. Слезы и убѣжденія семейства еще болѣе располагали его къ тому. Онъ уже колебался между чувствомъ самосбереженія, между нѣжной привязанностью къ семейству и чувствомъ долга; но и въ этотъ разъ, какъ всегда, чувство долга, которое—можно сказать по истинѣ—постоянно наполняло и одушевляло все его нравственное существо, это святое чувство взяло верхъ. Онъ поѣхалъ. Однако же, по слабости силъ, не могъ онъ въ тотъ день проѣхать далѣе станицы Ново-Александровской, (80 верстъ отъ Ставрополя), и тамъ имѣлъ ночлегъ. На утро 19-го числа, страданія предвѣщающаго дня повторились. Войдя въ запряженный экипажъ, генералъ оставался на мѣстѣ около часу, колеблясь, впередъ, или назадъ ѣхать. Впередъ звалъ его голосъ службы, и онъ поѣхалъ—впередъ. Въ тотъ же день сдѣлалъ онъ переѣздъ до Усть-Лабы и тамъ имѣлъ второй ночлегъ. Въ продолженіи этого переѣзда, какъ бы уже отстрадавшись въ его началѣ, генералъ чувствовалъ себя довольно хорошо. Въ ст. Кавказской, онъ принималъ Старшинъ мирныхъ ауловъ, поселенныхъ въ тамошнемъ районѣ, на лѣвой сторонѣ Кубани, и имѣлъ продолжительныя объясненія съ ними объ ихъ дѣлахъ; изъ ст. Тифлисской предписалъ начальнику праваго фланга Кавказской линіи нѣкоторыя распоряженія, относившіяся къ сбору отряда войскъ при укр. Бѣлорѣченскомъ.

Послѣ успокоительнаго отдыха въ Усть-Лабѣ, генералъ Завадовскій выѣхалъ оттуда 20, около полудня, и, чрезъ часть пути, вѣхалъ въ предѣлы земли Черноморскаго войска. На рубежѣ войсковой земли былъ онъ встрѣченъ коновоемъ изъ конныхъ Черноморскихъ казаковъ; не много далѣе, на посту Редутскомъ, представленъ былъ ему почетный караулъ изъ того же войска. Прекрасный видъ и выправка воинскихъ чиновъ въ этихъ командахъ доставили Атаману сердечное удовольствіе и какъ

бы оживили его: бодрый и веселый прибылъ онъ въ Екатеринодаръ, гдѣ провелъ остатокъ дня 20 и до обѣда 21 числа. Въ теченіи этого времени представлялись ему всѣ чины Войска Черноморскаго, военного и гражданскаго, а также, по всегдашнему обыкновенію, духовенство войсковой соборной церкви, директоръ войсковыхъ училищъ, Портовый начальникъ и бургомистръ города Ейска и Екатеринодарское купечество. Предъ отъѣздомъ изъ Екатеринодара, генералъ осмотрѣлъ производящуюся на центральной его площади, постройку новаго соборнаго храма, а въ самую минуту отъѣзда, остановившись у городской заставы, поспѣтилъ могилу первой своей супруги и молился надъ ея прахомъ, всегда любезнымъ и близкимъ его сердцу. Того же 21 числа, переѣхалъ онъ Кубань по Ольгинскому плашкоутному мосту и прибылъ въ укр. Ольгинское, близъ котораго собирался отрядъ казаковъ для наступательныхъ дѣйствій противъ горцевъ. Два дня проведено въ укр. Ольгинскомъ въ необходимыхъ военныхъ приготовленіяхъ. 23, вечеромъ, въ отрядѣ, построенномъ въ каре, Иеромонахомъ Войска Николаевскаго монастыря, совершено напутное Богу силъ, сильному во бранѣхъ, молебствіе; а 24 утромъ, отрядъ, предводительствуемый самимъ генераломъ Завадовскимъ, съ пѣснями и музыкою, предпринялъ движеніе отъ Кубани. Утро было прекрасное, одно изъ тѣхъ восхитительныхъ утръ, какими часто даритъ осень, лучшее въ томъ краю время года. Оружіе стройно движущихся рядовъ ярко блистало въ лучахъ взошедшаго солнца. Генералъ былъ на конѣ. Онъ бодро объѣзжалъ части отряда и здоровался съ земляками, съ которыми много лѣтъ уже не выходилъ онъ въ ратное поле, разлученный другими обязанностями службы.

Въ тотъ день, отрядъ имѣлъ ночлегъ на лѣвомъ берегу Кара-Кубани, въ пятнадцати верстахъ ниже укр. Ольгинскаго. Съ этого ночлега, въ полночь, была отряжена колонна впередъ, къ низовью р. Абина, для истребленія весьма населеннаго и богатаго аула Эричь, во всякое другое время года недоступнаго, по причинѣ окружающихъ его обширныхъ болотъ. Утромъ 25-го, едва только главный отрядъ снялся съ ночлега и направился по слѣдамъ передовой ночной колонны, какъ эта часть отряда уже достигла аула Эричь, напала на него, овладѣла имъ съ бою и предала пламени всѣ его строенія, съ находившимися въ нихъ, огромными складами хлѣба и сѣна. Къ вечеру отрядъ притянулъ къ себѣ передовую колонну и, въ полномъ своемъ составѣ, имѣлъ ночлегъ въ низовьяхъ р. Кунипса. На другой день, 26-го числа, отрядъ предпринялъ движеніе къ укр. Абинскому. Когда было пройдено урочище Перу, Шапсуги начали наѣзжать на фланкеромъ лѣвой цѣпи отряда, въ ближайшемъ виду генерала Завадовскаго, который, указавъ дружинѣ мирныхъ Черкесъ на непріятеля, велѣлъ ей отбросить его отъ отряда. Усердно, дружно и стремительно понеслись Черкесы въ бой. Ихъ поддерживала сотня конныхъ казаковъ. Вслѣдъ за нею, генералъ послалъ въ дѣло своего адъютанта, болѣе другихъ отъ него неотлучнаго, войскового старшину Пошку, съ конною ракетною командою. Произошла блистательная кавалерійская схватка, въ которой Шапсуги смяты и съ значительнымъ для нихъ вредомъ, прогнаны въ ближайшій лѣсъ. Въ этомъ дѣлѣ, самимъ Николаемъ Степановичемъ лично направленномъ, особенно восхищали его усердіе и самоотверженіе, съ которыми мирные Черкесы дрались противъ своихъ непокорныхъ земляковъ. Къ сожалѣнію, въ прекрасномъ этомъ дѣлѣ раненъ, состоящій при Его Свѣтлости Г. Главнокомандующемъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Гвардіи полковникъ Султанъ Сагаты-Гирей.

Къ вечеру 26 числа, отрядъ прибылъ къ укр. Абинскому и близъ него расположился лагеремъ. Командующій войсками, съ походнымъ штабомъ, помѣстился въ самомъ укрѣпленіи.

Съ 27 числа октября началась рубка просѣки чрезъ лѣсъ Сетазе, въ направленіи отъ укр. Абинскаго къ р. Адагуму. Эта трудная работа продолжалась непрерывно до 8-го ноября. Каждый день,

два и три баталіона пѣшихъ казаковъ вносили въ лѣсъ до тысячи топоровъ. Отрядъ былъ въ постоянномъ движеніи и въ постоянномъ дѣлѣ. Однѣ колонны уничтожали лѣсъ, другія производили рекогносцировки, третьи ходили на фуражировку. Всѣми дѣйствіями и движеніями войскъ распоряжалъ самъ генералъ Завадовскій. Онъ сдѣлалъ нѣсколько отдаленныхъ рекогносцировокъ лично, на конѣ. Магометъ-Аминъ бдительно слѣдилъ за всѣми предпріятіями Русскаго отряда. Верстахъ въ четырехъ отъ укр. Абинскаго возвышается громадный курганъ, господствующій надъ окрестностью на неизмѣримыя разстоянія. Этотъ курганъ и окружающая его, лѣсистая площадь, каждый день, были усеяны горцами, конными и пѣшими. На вершинѣ кургана возсѣдалъ Магометъ-Аминъ и тамъ судилъ и рѣшалъ народныя дѣла; отсюда же направлялъ онъ послушныя ему толпища противъ войскъ отряда—то мѣшать работамъ ихъ въ лѣсу, то заступать дорогу ихъ фуражирамъ, то, наконецъ, тревожить ночное спокойствіе ихъ лагеря. Но, благодаря зрѣлой опытности и отличной распорядительности, съ которыми былъ направленъ каждый шагъ войскъ, всѣ непріязненные попытки горцевъ были отбиты, съ большимъ, или меньшимъ, вредомъ для нихъ. Работы въ лѣсу ни разу не были прерваны и, при свойственныхъ Черноморскимъ казакамъ—постоянствѣ, твердости и неистощимому усердію въ выполненіи военныхъ предпріятій, шли быстро и рѣшительно.

Погода стояла сухая и, большею частію, морозная. Здоровье Николая Степановича было лучше обыкновеннаго. Походный бытъ, казалось, оживилъ его. Но, въ ночь на 4-е ноября, онъ вдругъ почувствовалъ себя нездоровымъ. На утро развилась въ немъ желчная лихорадка, 5-го ему сдѣлалось хуже, 6-го и 7-го онъ уже не вставалъ съ постели, почти не принималъ пищи, и часто впадалъ въ дремоту съ бредомъ.

Но въ этомъ тѣлѣ, уже истощенномъ до послѣдней крайности, таилась несокрушимая нравственная сила. Съ трудомъ приподнимаясь съ постели, больной твердилъ, что, по окончаніи проськи, онъ непременно пройдетъ съ отрядомъ, не смотря на значительный его обозъ, по новопроложенной имъ дорогѣ, на р. Адагумъ, и не прежнимъ прямымъ, а этимъ окольнымъ и труднымъ путемъ, возвратится на Кубань.

7-го ноября, къ обѣду, проська чрезъ вѣковой лѣсъ Сетазе, между рр. Абиномъ и Куафомъ, на протяженіи пяти верстъ въ длину, и на одну версту въ ширину, кончена. Сперва было объявлено отряду намѣреніе идти по проськѣ на р. Куафъ, а отсюда на р. Адагумъ; но вечеромъ послѣдовало приказаніе изготovitъ на утро къ движенію по прямому пути отъ укр. Абинскаго къ Ольгинскому.

8-го ноября, раннимъ утромъ, отрядъ снялся съ лагернаго мѣста и, переправившись на правый берегъ р. Абина, построился къ движенію двумя колоннами, изъ коихъ первая не имѣла при себѣ никакихъ тяжестей, а другая прикрывала весь обозъ отряда.

Утро было мрачное. Небо свинцовымъ куполомъ нависло надъ горами. Шелъ частый, безотрадно-однообразный дождь, какой обыкновенно идетъ въ глубокую осень, по нѣсколькимъ суткамъ сряду.

Генералъ еще до разсвѣта поднялся съ постели и съ величайшими усилиями началъ одѣваться. Сперва былъ позванъ къ нему докторъ, который, ощутивъ пульсъ и будучи пораженъ рѣшительными явленіями истощенія жизненныхъ силъ въ больномъ, предложилъ ему остаться на мѣстѣ, хотя на однѣ сутки. Генералъ не принялъ этого совѣта. Тогда докторъ сказалъ ему: «если вы тронетесь съ мѣста, то я не ручаюсь за вашу жизнь, даже на одинъ нынѣшній день.» На это Николай Степановичъ возразилъ голосомъ слабымъ, но въ которомъ звучала непреклонная рѣшимость: «никогда я не соглашусь, чтобы изъ-за меня шесть тысячъ чело-

вѣкъ мокли на дождѣ, безъ надобности.» Отпустивъ медика, онъ позвалъ къ себѣ адъютанта, постоянно находившагося при немъ и пользовавшагося особенною его довѣренностію. Освѣдомившись отъ него, что войска уже перетягиваются чрезъ р. Абинъ и строятся къ походу, генералъ приказалъ ему убрать бумаги и письма, а потомъ попросилъ его взять къ себѣ деньги, часы и другія цѣнные вещи. Здѣсь мы просимъ позволенія у г-на адъютанта повторить за него въ первомъ лицѣ и слово въ слово, что онъ передавалъ супругѣ покойнаго генерала Завадовскаго: «къ приказаніямъ прибирать бумаги я привыкъ; по приказанію прибрать деньги и вещи было для меня ново и какъ-то болѣзненно подѣйствовало мнѣ на душу. Исполнивъ, однако, что было мнѣ сказано, я стоялъ проникнутый мрачнымъ предчувствіемъ, и смотрѣлъ на генерала, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Онъ страдалъ. Страданія его были такъ жестоки, что я ощущалъ ихъ въ моемъ сердцѣ. Въ эти минуты онъ одѣвался—уже въ другой разъ. Это мучило его. Одѣвшись въ первый разъ, онъ спохватился, что не надѣлъ себя на грудь своего заветнаго креста, которымъ, быть можетъ, благословила его умирающая мать,—и чтобъ надѣть его, больной не щадилъ себя для лишняго и, въ тѣ минуты, тяжкаго ему, труда раздѣться и вновь одѣться. Наконецъ, придя въ спокойное положеніе, Николай Степановичъ началъ мнѣ говорить слабымъ, прерывающимся голосомъ, что онъ чувствуетъ себя такъ худо, какъ никогда еще не чувствовалъ; что не смотря однако жъ на это, онъ никакъ несогласенъ оставаться на мѣстѣ, и что, наконецъ, если бы пришлось ему не пережить похода, то онъ препоручаетъ мнѣ приберечь все, что съ нимъ есть. Мнѣ сдѣлалось невыносимо грустно. Я перебилъ его, стараясь отвести его мысли на другіе предметы. Заговоривъ о положеніи дѣлъ въ горахъ, онъ высказалъ свое безпокойство за Абинское укрѣпленіе и приказалъ позвать къ себѣ воинскаго начальника. Когда воинскій начальникъ вошелъ, генералъ, стоя на ногахъ, ясно и твердо отдавалъ ему приказанія, нисходя до самыхъ мелочныхъ подробностей, о приведеніи укрѣпленія въ наиболѣе исправнѣйшее оборонительное положеніе и о неусыпной бдительности въ охраненіи его.»

«Между тѣмъ наступилъ день. Генералу доложили, что для него экипажъ поданъ къ крыльцу. Онъ помолился Богу, вышелъ и сѣлъ въ экипажъ, съ докторомъ; а мнѣ приказалъ вѣхать верхомъ, неотлучно съ боку экипажа. Пробѣжая мимо войскъ, Николай Степановичъ здоровался съ ними изъ экипажа; но какъ голое его было слишкомъ слабо, то войска не могли его слышать и не отзывались на его военный привѣтъ, во всю его жизнь, какъ и въ послѣдній ея часъ, согрѣтый сердечнымъ доброжелательствомъ казаку. Когда мы выѣхали напередъ, отрядъ тронулся. Экипажъ генерала слѣдовалъ въ передней колоннѣ, которая не имѣла обоза и которая скоро оставила далеко позади себя колонну съ обозомъ. Несмотря на ненастье, казаки шли бодро и съ пѣснями. Они шли домой. Генералъ, повидимому, чувствовалъ себя лучше. Онъ слѣдилъ за движеніемъ колонны и часто отдавалъ приказанія; часто также подзывалъ къ себѣ отдѣльныхъ начальниковъ и благодарилъ ихъ за службу въ оконченной экспедиціи. Шансути насъ не безпокоили. Они вообще не охотники драться въ ненастную погоду. Былъ полдень. До р. Куниса, гдѣ намъ надлежало сдѣлать привалъ, оставалось не болѣе четырехъ верстъ. Генералъ спросилъ меня: сколько еще верстъ до Куниса?—Я сказалъ. И это были послѣднія, въ сей жизни, слова моего незабвеннаго начальника. Прошло послѣ этого съ четверть часа. По причинѣ терновника, росшаго около дороги, я отсталъ отъ экипажа на нѣсколько шаговъ. Вдругъ докторъ, громко и какъ бы съ испугомъ, назвалъ меня, остановивъ, въ то

же время, экипажъ. Я подѣхалъ и увидѣлъ—Богъ милосердный!—то, что я увидѣлъ, не изгладится изъ моего воображенія во все мое житіе. Докторъ смущенный до крайности, держалъ на своихъ рукахъ умирающаго начальника. Лицо генерала было открыто блѣдностью, для опредѣленія которой, чрезъ сравненіе, я не нахожу цвѣта въ природѣ; глаза полузакрыты и недвижны,—еще въ нихъ теплится искра жизни и мысли,—уста полуоткрыты, и въ нихъ замираетъ недосказанное слово. Все же лицо въ совокупности, выражаетъ неизъяснимую доброту, кротость и покорность непреложному и общему для всѣхъ насъ, уставу природы. Я провелъ нѣсколько минутъ въ невольномъ и нѣмомъ созерцаніи этого лица, на которомъ скользилъ еще, угасающая, послѣдній лучъ жизни. Потомъ, почти безъ сознанія, я сдѣлалъ доктору вопросъ: что же это значитъ?—Это конецъ, смерть—отвѣчалъ онъ.»

«Если по образу кончины—какъ вѣщаетъ ученіе христіанское—можно судить о загробной судьбѣ отходящихъ отъ насъ въ невѣдомый міръ, то душа покойнаго генерала, безъ сомнѣнія, отлетѣла въ блаженную вѣчность. Его кончина была такая тихая и спокойная, какой только могутъ молить у Господа, для послѣдняго своего часа, праведники.»

«Вскорѣ экипажъ, такъ мгновенно и разительно превратившійся въ гробъ, былъ окруженъ многими офицерами, слѣдовавшими въ колоннѣ. Всѣ безъ словъ выражали свое скорбное изумленіе. По всему отряду пробѣжало одно ощущеніе, передать котораго я неумѣю, потому что оно и выразилось внешнею, общимъ, глубокимъ молчаніемъ, и общимъ прекращеніемъ движенія, безъ команды. Я посмотрѣлъ на часы—было три четверти перваго. До Куниса оставалось версты три. Удостоверившись въ кончинѣ своего Начальника, окружавшіе экипажъ отѣхали отъ него.»

«Колонна тронулась и экипажъ тронулся съ нею. Душа моя была угнѣтена. Я еще продолжалъ вѣхать съ боку экипажа, безмысленно и забывая, что онъ везетъ не Генерала, не Начальника, къ которому я привязанъ узами долга и личными моими чувствами; а что-то неизмѣющее уже никакого нравственнаго значенія и совершенно чужое для живыхъ людей.»

Послѣ того, какъ доблестный Генералъ, совершивъ полезное дѣло, отдалъ, въ рядахъ командующихъ имъ войскъ, послѣдній свой вздохъ службѣ Государевой,—начальство надъ отрядомъ принялъ Начальникъ Штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи Генералъ-Маіоръ Александръ Христіановичъ Кангеръ. Того же 8-го числа, вечеромъ, благополучно привелъ онъ отрядъ къ укр. Ольгинскому. И усопшій прибылъ туда же. Его, бездыханнаго, какъ прежде живаго, съ тѣмъ же добрымъ усердіемъ, встрѣтили Черноморцы и на своихъ рукахъ перенесли изъ колесницы смерти—въ гробъ.

9-го Ноября, тѣло усопшаго Генерала было перевезено въ Екатеринодаръ, и, по прибытіи туда изъ Ставрополя супруги покойнаго, въ 14-й день того же мѣсяца, съ подобающими военными почестями, при многочисленномъ стеченіи народа, предано землѣ, въ той самой могилѣ, на поверхности которой, усопшій, за двадцать четыре дня предъ тѣмъ, молился.

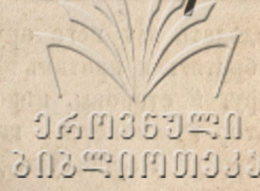
И мы, по призыву Его Свѣтлости Г. Намѣстника Кавказскаго, и по собственному движенію сердецъ нашихъ, помолимся объ успокоеніи души преставившагося отъ насъ начальника нашего края, и повторимъ съ Свѣтлѣйшимъ Княземъ Михаиломъ Семеновичемъ почтенному Генералу отъ Кавалеріи Завадовскому честь и слава! (*)

19-го Декабря 1853. Ставрополь.

(*) Прик. по Отд. Кавк. Корп. отъ 19-го Ноября 1853 года.

По недостатку мѣста метеорологическія наблюденія прилагаются къ этому № отдѣльно напечатанныя.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ДУНАЯ.

Генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ доноситъ отъ 6-го Декабря, что до этого числа, со времени послѣднихъ извѣстій, на Дунаѣ никакихъ военныхъ дѣйствій не происходило, кромѣ обозрѣнія кр. Мачина, которое произведено было 1-го Декабря, по распоряженію генералъ-адъютанта Лидерса, генералъ-майоромъ Энгельгардтомъ.

Для сего были назначены пароходъ «Прутъ» съ 4-мя канонирскими лодками, а для поддержанія ихъ перевезены были на островъ Бындой 2 роты Замосцкаго егерскаго полка, рота 5-го стрѣлковаго батальона и 2 орудія легкой № 8-го батареи 15-й артиллерійской бригады.

Пароходъ и лодки, подойдя къ непріятельской батарее ниже Мачина, вооруженной 7-ю орудіями 12-ти фунтоваго калибра, открыли по ней огонь, а части войскъ, находившіяся на островѣ Бындой, въ тоже время дѣйствовали противъ Турецкой пѣхоты, занимавшей ретраншементы между батареею и городомъ.

Генералъ-адъютантъ Лидерсъ, лично присутствовавшій при этомъ обозрѣніи, совершивъ оное въ той мѣрѣ, въ которой оно предполагалось, приказалъ войскамъ возвратиться въ Браиловъ.

По доносенію его, у непріятеля подбито при семъ случаѣ 2 орудія и, въ особенности, отъ мѣткого огня стрѣлковой роты, разсыпанной на островѣ Бындой, Турки понесли значительный уронъ.

Съ нашей стороны отъ дѣйствія непріятельской артиллеріи ранено 11 человекъ нижнихъ чиновъ. (Р. И.)

Въ *Букарестской газетѣ* содержатся слѣдующія извѣстія по 3-е Декабря ст. ст.: 26-го Ноября, г. генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Будбергъ извѣстилъ Валахскій правительственный совѣтъ о вступленіи своемъ въ Высочайше возложенную на него должность чрезвычайнаго и полномочнаго Комиссара въ Придунайскихъ княжествахъ. — 29-го Ноября совершенно было въ Букарестской Серндарской церкви благодарственное молебствіе о Синопской побѣдѣ, въ присутствіи г-дъ генералъ-адъютантовъ князя Горчакова и Будберга, высшихъ Русскихъ военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, Валахскихъ начальственныхъ лицъ, бояръ и многихъ другихъ почетныхъ особъ. (Од. В.)

Москва 18-го Декабря. Въ большой залъ Благороднаго Соборнаго открыта ярмарка въ пользу бѣдныхъ, учрежденная, съ Высочайшаго соизволенія, Дамскимъ Попечительствомъ о бѣдныхъ.

Одесса, 11-го Декабря. Рейдъ нашъ, благодаря южному вѣтру, сталъ снова наполняться кораблями; третьяго дня вчера прибыло изъ Константинополя довольно значительное число и въ томъ числѣ одно подъ Русскимъ флагомъ, «Фениксъ», шх. В. Вольштейнъ, изъ Кадикса, въ слѣдствіе облегченій, предоставленныхъ, какъ слышно, Портою торговому судоходству по Черному морю. Торговля хлебомъ въ послѣдніе дни шла живо и цѣны на пшеницу и рожь даже нѣсколько возвысились, въ слѣдствіе извѣстій о некоторомъ вздорожаніи ихъ за границею. Подвозы же хлеба и другихъ продуктовъ изъ окрестностей на Одесскій рынокъ почти совершенно приостановились отъ страшной распутицы, произведенной оттепелью.

Бердянскъ, 30-го Ноября. — Портъ Бердянской блистательно окончилъ нынѣшнюю свою навигацію, отправивъ за границу болѣе одного милліона четвертей разнаго зерна, преимущественно красной пшеницы. Такого огромнаго количества хлеба въ зернѣ никогда мы еще не высылали за границу.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АВСТРІЯ.

По распоряженію министра финансовъ и по соглашенію съ главнымъ начальствомъ арміи, и съ министерствами иностранныхъ дѣлъ и торговли, опубликованному 5-го Декабря, вывозъ оружія и во-

енныхъ снарядовъ изъ Австріи въ Боснію и другія Турецкія пограничныя области рѣшительно запрещенъ. (W. Z.)

— По просьбѣ Турецкаго правительства, покровительство Турецко-подданныхъ, по коммерческимъ дѣламъ, въ Россійскихъ владѣніяхъ, возложено на пребывающихъ тамъ Австрійскихъ консульскихъ агентовъ. (W. Z.)

— Въ Аграмской газетѣ пишутъ, что въ Черногоріи открытъ какой-то заговоръ противъ князя *Данила*, и что, въ слѣдствіе того, дядя его, президентъ сената *Петровичъ* и нѣсколько сенаторовъ бѣжали изъ Черногоріи, чтобы избѣгнуть отъ предназначенной имъ казни, и прибыли въ Каттаро. (W. Z.)

— Извѣстія изъ Дунайскихъ княжествъ доходятъ до 11-го Декабря (29-го Ноября ст. ст.). Никакихъ важныхъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ не происходило. Въ Малой-Валахіи сосредоточены, какъ слышно, пѣхотная дивизія и кавалерійская бригада, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа *Арена-Эльмита*, прибывшаго въ Краіову. Калафатъ — нынѣ единственный пунктъ, занятый Турецкими войсками на лѣвомъ берегу Дуная. Посредствомъ сильной рекогносцировки, сдѣланной на о. Маканъ, удостоверились, что онъ совершенно оставленъ Турками; съ лѣваго берега перекинутъ на маленькій островъ на супротивъ Журжи плывучій мостъ. 8-го Декабря (26-го Ноября ст. ст.) отрядъ корпуса барона *Остенъ-Сакена* прошелъ чрезъ Яссы, по направленію къ Фокшанамъ. У Виддина набралось, говорятъ, до 200 Турецкихъ, большихъ и малыхъ перевозныхъ лодокъ, которыя едва-ли останутся цѣлы, когда онѣ будутъ стиснуты наноснымъ льдомъ съ верхняго Дуная, такъ какъ для нихъ тамъ нѣтъ безопаснаго пристанища. *Омеръ-паша* и *Фуадъ-эфенди*, бывшіе въ послѣднее время въ Виддинѣ, возвратились оттуда, какъ слышно въ Шулу. Говорятъ, что Турки сильно укрѣпляютъ города Софію и Праводы; работы эти затрудняются морозами; на нихъ почти исключительно употребляютъ христіанъ, особенно мѣстныхъ жителей Болгаръ. Турецкія войска въ Болгаріи сводятся, болѣею частью, на зимнія квартиры; говорятъ, что въ нихъ появилась Египетская глазная болѣзнь. По извѣстіямъ изъ Босніи, между тамошними христіанами становится замѣтнымъ волненіе, по поводу обременяющихъ ихъ налоговъ и притѣсненій, которымъ они подвергаются, не смотря на часто провозглашаемые султанскіе фирманы о хорошемъ съ ними обхожденіи. (W. Z.)

ФРАНЦІЯ.

Парижъ, Декабря 19-го. Въ Французскія газеты, исключая *Монитеръ*, даже тѣ, которыя находятся въ прямой зависимости отъ правительства, догадываются о причинѣ отставки лорда Пальмерстона. Газета *Patrie*, объявивъ, что онъ воспользовался для удаленія отъ дѣлъ вопросомъ внутренней политики, совершенно второстепеннымъ принявшимъ обстоятельствахъ, утверждаетъ, что врядъ ли часть кабинета, противящаяся видамъ лорда Пальмерстона, отважится открытъ безъ него будущее собраніе парламента, чтобы не потерпѣть шумнаго паденія, и предвидѣть торжественное вступленіе въ кабинетъ этого государственнаго человека, въ должности перваго министра. Газета *Presse*, раздѣляя это мнѣніе, полагаетъ впрочемъ, что, прежде чѣмъ отступить, лордъ Абердинъ упрочитъ окончательное торжество мирной политики, и поспѣшитъ окончаніемъ переговоровъ, такъ что, когда парламентъ соберется 3-го Февраля, дѣло уже будетъ кончено, и лорду Пальмерстону, если онъ достигнетъ власти, не удастся уже измѣнить политику Англии въ во-

точнымъ вопросѣ. Говорятъ, что одинъ только лордъ Пальмерстонъ предлагалъ въ кабинетъ принятіе энергическихъ мѣръ, а всѣ другіе министры были противнаго мнѣнія, что не совсѣмъ согласно съ тономъ Англійскихъ газетъ, служащихъ выраженіемъ общественаго мнѣнія въ Сити. (Ind. B. и J. de St.-P.)

— Въ *Globe* пишутъ изъ Парижа, что графъ Вальевскій получилъ приказаніе выразить Виконту Пальмерстону живѣйшее сожалѣніе Императора Французовъ по случаю выхода его изъ министерства. (N. Pr. Z.)

— Въ *Indépendance Belge* пишутъ изъ Парижа: «Предложивъ, что конгрессъ, о которомъ было говорено, окончится миромъ, восточный вопросъ, по мнѣнію многихъ политиковъ, все еще рѣшенъ не будетъ. Въ немъ есть еще второстепенный и весьма важный вопросъ, на которомъ Англійское правительство настаиваетъ въ Константинополѣ, а именно о совершенномъ освобожденіи христіанскихъ племенъ, подвластныхъ Турецкой имперіи, уже нѣсколько разъ обѣщанномъ и никогда неисполненномъ. И нѣкоторые Турецкіе государственные люди понимаютъ, что этотъ вопросъ весьма важенъ, что старинныя религіозныя правила Турокъ должны подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыхъ требуютъ успѣхи просвѣщенія. Но допускаетъ ли законъ Магомета подобныя преобразованія? Сомнительно. Итакъ, Европейскія державы ожидаютъ дѣйствительнаго исполненія обѣщаній Султана, и хотятъ требовать у Дивана слѣдующаго: Всѣ христіанскіе подданные Порты будутъ имѣть полную свободу въ своемъ исповѣданіи. Христіане могутъ строить новыя церкви, когда и гдѣ захотятъ. Теперь они едва имѣютъ право починывать старыя; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Босніи и Албаніи они испрашивали на эти исправленія фирманъ изъ Константинополя, за который паша всегда беретъ съ нихъ дорогую плату. Постыдная поголовная подать будетъ уничтожена, и всѣ христіане, безъ различія, пользуясь всеми гражданскими правами, будутъ обезпечены въ неприкосновенности своей личности и имущества. Гражданскія права даны имъ будутъ въ обширномъ смыслѣ. Такъ, на примѣръ, теперь христіане не могутъ занимать никакой административной и судебной должности, или служить въ арміи. Отнынѣ этотъ законъ долженъ быть отмѣненъ; но едва ли это будетъ возможно, потому что Коранъ воспрещаетъ уступать въ семъ случаѣ. Необходимое измѣненіе, котораго уже нѣсколько лѣтъ требуетъ лордъ Стратфорд-Редклиффъ, состоитъ въ правѣ христіанъ быть свидѣтелями въ судахъ. Теперь христіанинъ не можетъ быть свидѣтелемъ по дѣлу, въ которомъ участвуетъ мусульманинъ. Измѣненіе этого закона также встрѣтитъ сильное сопротивленіе въ фанатизмѣ народа въ провинціяхъ. Сохранится одна важная статья древнихъ трактатовъ, что синодъ и патріархъ Константинопольскій, какъ представители Румыновъ и Грековъ, отвѣчаютъ за всѣ дѣйствія своихъ общинъ.»

— Зала Императорской и Ришельевской бібліотекъ наполнены были надняхъ модистками, отысканными въ коллекціяхъ старинныхъ гравюръ, рисунковъ придворныхъ мантий съ шлейфами времени Лудовика XIV-го, для заготовленія подобныхъ мантий для Парижскихъ дамъ къ 1-му Января. (W. L.)

— Всѣ придворныя дамы возмущены противъ мантий, назначаемыхъ для парадныхъ случаевъ; но должно полагать, что этотъ мятежъ будетъ подавленъ — бархатомъ. (Ind. B.)

— Изъ Турина пишутъ, что врагъ сліянія, г. де-Ремюза, можетъ быть доволенъ. Герцогъ Немурскій тщетно являлся къ герцогинѣ Орлеанской, которая не хочетъ его видѣть. Республиканская партія въ Парижѣ намѣрена поддерживать сліяніе, чтобы

сдѣлать изъ него орудіе противъ имперіи, а потомъ обратиться противъ Бурбоновъ обѣихъ линій. Съ другой стороны, нѣкоторые роялисты порешили на сторону имперіи, какъ напр. герцогъ де-Вальми, герцогъ Ларошфуко-Дудевиль, гг. Дюпенъ и Ларош-Ламберъ. (J. de Francf.)

— Вчера скончался здѣсь потомокъ одной изъ знаменитѣйшихъ семействъ Франціи, «первый христіанскій баронъ», Анна-Марія Гастонъ, баронъ Монморанси, князь Робекъ, грандъ Испанскій 1-го класса, родившійся 4-го мая 1807 года. Онъ былъ человекъ ласковый и добродушный, любимый всеми окружающими его за благородныя свои качества; щедрость его была истинно-барская. Онъ былъ холостъ, и нѣкогда служилъ капитаномъ въ королевской гвардіи. Съ 1830 года жилъ онъ въ совершенномъ уединеніи. Вѣроятно, фамилія эта вымретъ совершенно: послѣднимъ представителемъ ея остался князь Анна-Лудовикъ-Рауль-Викторъ баронъ и герцогъ Монморанси, женатый на вдовѣ князя Тибо-Монморанси и не имѣющій дѣтей. (N. Pr. Z.)

АНГЛІЯ.

— Лондонъ, 7-ю Декабря. На дняхъ вновь распространился слухъ, что банкъ принужденъ будетъ возвысить къ Рождеству учетъ свой, который нынѣ 5%, чтобы остановить вывозъ золота на твердую землю; если этотъ слухъ оправдается, то эта мѣра сильно воспрепятствуетъ предполагаемому Турецкому займу. (W. Ll.)

— Холера стала видимо ослабѣвать въ Англій. (W. Z.)

— Увѣряютъ положительно, что Русское правительство распорядилось объ истребованіи изъ Англійскаго банка принадлежащаго ему капитала въ 800,000 ф. ст. (4,800,000 руб. сер.), хранившагося тамъ со времени огромныхъ закупокъ хлѣба въ Россіи въ 1847-мъ году; извлеченіе изъ обращенія столь значительной суммы не осталось безъ впечатлѣнія на Лондонской биржѣ. Вообще въ послѣдніе дни здѣшняя биржа не совсѣмъ спокойна; начинаютъ сомнѣваться въ вѣроятности мирнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, и цѣны Русскихъ отпускныхъ товаровъ ощутительно возвысились. (O. B.)

ТУРЦІЯ.

Французское правительство отправило къ Турецкому, кромѣ 2,500 ружей, двухъ артиллеристовъ для обученія канонировъ. Они поѣхали въ Дунайскую армію. Г. Бальтаци, извѣстный тѣмъ, что «судилъ Портъ 35 мил. піастровъ насчетъ Египетской подати, представилъ, кромѣ того, 10,000 кусковъ сукна. Жены чиновниковъ сераскириата занялись шитьемъ шинелей для войскъ. Сосѣднее съ эски-сералемъ зданіе, въ которомъ была прежде типографія Французскаго журнала, печатаемаго теперь въ Галатѣ, обращено въ швальню. Женщины въ гаремѣ сами подаютъ примѣръ, хотя онѣ весьма неопытны въ руководствѣхъ. (J. de Francf.)

— По требованію Бѣлградскаго паши, прибыли, 5-го Декабря, въ Бѣлградъ, изъ лагеря Омеръ-паши, 220 артиллеристовъ. (J. de St.-P.)

— Въ Вѣнской газетѣ Presse пишутъ, что Турецкія иррегулярныя войска, расположенныя на Дунаѣ, начинаютъ терять терпѣніе; толпы Болгарскихъ редифовъ расходятся по домамъ. (J. de St.-P.)

— По письмамъ изъ Одессы, отъ 10-го числа, сообщаютъ въ Ллойдъ, что у береговъ Варны крейсера Русскіе корабли, и что по этому сношенія съ Константинополемъ сдѣлались чрезвычайно затруднительными. У Галатскаго мыса стоятъ на стражѣ два парохода и наблюдаютъ за всеми движеніями Турецкаго флота. Русскіе крейсера являются и въ устьѣ Босфора. (Iud. B.)

— Изъ Александріи получены извѣстія, отъ 6-го Декабря, что войска, назначенныя для усиленія на

Дунаѣ Египетскаго вспомогательнаго корпуса, давно уже готовы. Число ихъ простирается не свыше 12,000 человекъ; они ждутъ только кораблей для перевоза въ Константинополь. Тамъ не имѣли новѣйшихъ свѣдѣній съ театралюны. (J. de St.-P.)

ДАНІЯ.

Газета Aalborg Avis извѣщаетъ, что говорятъ о вооруженіи, по примѣру 1848 года, морской оборонительной линіи Копенгагена и что артиллерія уже получила надлежащія предписанія. Носятся также слухи о сосредоточеніи войскъ въ Зеландіи. (J. de St. P.)

ПОРТУГАЛІЯ.

Въ столицѣ и въ странѣ царствуетъ совершенное спокойствіе. Засѣданія Кортесовъ имѣютъ быть открыты 15-го Ноября. Англійскій флотъ (подъ командой адмирала Корри) находится въ Таго. (N. Pr. Z.)

— Въ Парижской газетѣ Union пишутъ слѣдующее: «Португалія обращаетъ на себя вниманіе Европы. Должно остерегаться слуховъ о движеніяхъ мигелистовъ, слуховъ, распространяемыхъ членами пропаганды, происки которой достаточно извѣстны. Въ Испаніи образовалась партія, не лишняя значенія, мечтающая объ унитаризмѣ полуострова, т. е. о присоединеніи Португаліи къ Испаніи. Она желаетъ возстановленія чего-то въ родъ монархіи Филиппа, которая, какъ извѣстно, причинила такое зло Франціи. Партія, о которой мы говоримъ, называется *Иберійскою*. Для достиженія своей цѣли, иберійцы стараются убѣждать Португальцевъ въ огромныхъ выгодахъ, которыя они найдутъ, сдѣлавшись членами сильной и могущественной націи, вмѣсто того, чтобы прозябать въ униженномъ и бѣдственномъ состояніи, до котораго дошли по отдѣленіи своемъ отъ Испаніи; и чтобы соблазнить ихъ чѣмъ-нибудь болѣе положительнымъ, иберійцы общаются имъ даже, что столицею новаго государства будетъ Лиссабонъ. Къ несчастью для нихъ, здравый смыслъ Португальской націи не легко поймать на эту удочку; во всей Португаліи врядъ ли можно насчитать нѣсколько сотъ иберійцевъ. Слухи же о мигелистскихъ движеніяхъ не заслуживаютъ довѣрія.» (J. de Francf.)

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ послѣднемъ № Од. В. помѣщены слѣдующія свѣдѣнія о Синопѣ:

Синопъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Малой-Азіи. Онъ основанъ былъ Милетцами и былъ главнымъ приморскимъ городомъ въ Пафлагоніи. Нѣсколько времени онъ составлялъ отдѣльную и независимую республику, владычествовавшую, своими судами и основанными ею колоніями, на Понтѣ Евксинскомъ; городъ этотъ былъ родиною двухъ изъ знаменитѣйшихъ мужей древности—Митридата и Диогена. Рыбная ловля и рудники въ окрестностяхъ его доставляли ему значительныя выгоды, и число жителей его простиралось до 60.000; позже онъ долженъ былъ уступить и могущество и значеніе свое въ торговлѣ Византіи. Перешедши подъ владычество Турокъ, называющихъ его Синубуъ, онъ сталъ приходить въ упадокъ, и, хотя въ послѣдніе годы учрежденіе пароходства по линіи отъ Константинополя до Тривизонда и оживило нѣсколько его торговлю, но она теперь не очень значительна; кромѣ рыбной ловли, главная промышленность жителей сосредоточивается преимущественно въ торговлѣ лѣсомъ и въ постройкѣ судовъ, для чего существовали въ Синопѣ замѣчательныя верфи. Число жителей его полагаютъ нынѣ не болѣе какъ отъ 10-и до 12-и тысячъ; Турки и Христіане, почти исключительно Греки, живутъ въ двухъ совершенно почти отдѣльныхъ частяхъ города. Синопскій рейдъ считается однимъ изъ лучшихъ и самыхъ безопасныхъ на берегахъ Анатолиі; онъ закрытъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ возвышеннымъ полуостровомъ *Безъ-мене*. Самый городъ Синопъ расположенъ на перешейкѣ, соединяющемъ материкъ съ означеннымъ полуостровомъ; по срединѣ перешейка находятся крѣпость и Турецкій кварталъ, а къ сторонѣ полуострова, на возвышеніи довольно покатою, кварталъ Греческій. Синопъ лежитъ подъ 42° 1½' сѣв. шир. и 32°

50' вост. долготы отъ Парижскаго меридіана, прямо къ югу отъ Θεодосіи, и почти въ 550-и верстахъ къ в. отъ Константинополя; онъ причисляется нынѣ къ Кастамунійскому пашалыку.

— Въ Пруссіи сдѣлано изобрѣденіе, обогривать колеса экипажей, вмѣсто желѣзныхъ шинъ, гутта-перчевыми и это нововведеніе начинаетъ входить тамъ въ употребленіе. Такіе шины имѣютъ ту выгоду, что экипажъ менѣе сотрясается и почти вовсе не стучитъ при ѣздѣ по мостовой; но послѣднее обстоятельство имѣетъ и свою дурную сторону: пешеходы, не слыша экипажнаго стука, легко могутъ подвергнуться опасности, быть имъ раздавленными.

— Изъ Венгріи пишутъ объ необыкновенномъ урожаѣ винограда. Въ Эрлау, напримѣръ, его родилось такъ много, что почти половина гроздь осталась не собранною, по недостатку бочекъ. За бочку въ 12 ведеръ, поселане даютъ до 20 ведеръ вина. — По этому случаю хозяева вспоминаютъ, что въ летописяхъ винодѣлія особенно замѣчательны своимъ изобиліемъ, въ прошломъ столѣтіи, года 1746, 1789 и 1796; а въ нынѣшнемъ болѣе всѣхъ, 1811, и кромѣ того: 1806, 1822, 1827, 1834, 1841 и 1846.

— Во Франціи стали выдѣлывать изъ кожъ, особенно изъ оленьихъ и дикой козы, различное платье и даже жилеты. По обдѣлкѣ эта кожа становится столь добротною, что своею нѣжностью не уступаетъ обыкновеннымъ для сего употребляемымъ тканямъ.

— Въ одномъ изъ департаментовъ Франціи жила Г-жа Рене Жегю (*Renè Jegu*), жена одного земледѣльца, по имени Бенатра. Уже нѣсколько лѣтъ сряду она отъ времени до времени впадала въ какой-то странный бредъ. Ей приходило въ голову, что она не достойна жить, и что единственное средство очиститься отъ грѣховъ и избавиться отъ вѣчнаго пламени ада, есть—погибнуть отъ наго огня. Она часто говорила о сдѣланномъ ею обѣтѣ ежеч. себя, и не слушала никого, кто возставалъ противъ этого. Однажды утромъ, когда мужа ея не было дома, она положила въ печь дровъ, зажгла ихъ и, когда они разгорѣлись довольно сильно, бросилась на нихъ, какъ была. Пятнадцатилѣтняя племянница ея, пригнавшая съ поля стадо, вошла въ комнату и увидѣла тетку свою въ огнѣ и уже полуживую. На крикъ ея сбѣжались сосѣди. Несчастную вытащили изъ печи, облили водой и положили въ постель, но она умерла на другой же день въ ужасныхъ мученіяхъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ С. Петербургскихъ газетахъ отзываются съ большою похвалою о картѣ Европейской Турціи, съ Придунайскими Княжествами, издан. Военно-Топографическимъ Депо. Она состоитъ изъ одиннадцати большихъ листовъ и сборной таблицы, и гравирована на мѣди въ масштабѣ десяти верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Карта эта чрезвычайно подробна. По ней вы можете подробно слѣдить за движеніемъ войскъ. Превосходная карта эта продается по 12 руб. сер. въ Продажной Военно-Топографическаго Депо, въ домѣ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, въ Петербургѣ. Въ томъ же мѣстѣ продаются изданныя также Военно-Топографическимъ Депо: *Карта Валахиі, Буларіи и Румиліи*, на четырехъ листахъ въ масштабѣ, 20 верстъ въ англійскомъ дюймѣ (цѣна 3 р. сер.) и *Карта Азіатской Турціи*, на большихъ четырехъ листахъ.

ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ,

на 1854-й годъ.

Съ 1854-мъ годомъ, Одесскій Вѣстникъ вступаетъ въ 28-й годъ своего существованія и въ 24-й нынѣшней редакціи. Онъ будетъ состоять, какъ и прежде, изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I. Внутреннія извѣстія. Въ этомъ отдѣлѣ въ числѣ прочихъ извѣстій будутъ помѣщаемы, въ 1854-мъ году, всѣ важнѣйшія оффиціальныя извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ въ Турціи, по мѣрѣ полученія ихъ въ Одессѣ съ театра войны. II. Заграничныя извѣстія. III. Фельетонъ. IV. Торговля. V. Объявленія. VI. Метеорологическія наблюденія. Одесскій Вѣстникъ выходитъ три раза въ недѣлю: по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ. — Цѣна: съ пересылкою 12 рублей серебромъ. — Подписка принимается для иногородныхъ — въ Одесской Почтовой Конторѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.